

Анна КУКУШКИНА

Красноярск

Родилась в Красноярске 10 марта 1998 года. Имеет среднее специальное образование по квалификации «юрист».

ДОМ

Утреннее солнце после затяжного ночного дождя всегда кажется намного теплее, чем оно есть. Это как чёрная полоса в жизни сменяется на белую: поначалу ты не веришь, что так может быть. Середина июня — всегда самое тёплое летнее время. Даже если прошла гроза, которая всю ночь могла терроризировать людей.

Медленно, будто спросонья, солнце выглядывало из-за горизонта, даря наконец-таки своё тепло. Оно постепенно покрывало лес, виднеющийся вдаль, и всё ближе подбиралось к маленькому селению. К деревне, если быть точнее. Домов тридцать, не больше, а если считать те, что уцелели, — наверное, всего три.

Тёплые лучи уже минут через десять весело бежали по тропинкам и дорогам с заросшими колеями. Как же много эти дороги видели, сколько по ним ездило старых советских машин. Где они все сейчас? Почему оставили на произвол судьбы эти дороги и дома с людьми? А может, это люди больше не хотели здесь быть, жить и ездить по этим старым надоевшим путям?

Солнце шло всё дальше, вслед за дорогами оно захватило серые обветрившиеся заборы из тонкого штакетника. На какой силе воли они держались или уже просто из принципа не опускались на землю? Сгнившие и упавшие столбы всё ещё умудрялись создавать образ хоть и разрушенного, но ограждения, давая понять, что тут отдельная территория. В советское время всё делали на совесть, и

здесь, видимо, только многолетние ветра и полное одиночество смогли сломить нерушимость таких стойких, но таких ранимых досточек. Они словно цеплялись за друг дружку, чтобы не рухнуть — ведь это бы означало, что они сдались, не выдержали, что они тоже покинули это место.

Поднимаясь выше, солнце падало на цветущие кустарники и цветы, полностью заросшие высокой травой, но жажда жить и цвести сильнее любых препятствий. За ними никто не ухаживал, а они вытянулись и цвели красивее прежнего. Мелкие цветочки ещё не оправились после ночного испытания, но чем больше солнце обращало на них своё внимание, тем быстрее они расслаблялись и доверчиво разворачивались к нему, как к близкому другу.

И наконец, когда солнце достигло пика дома, он предстал в полном своём образе. Серый, обветшалый и нежилой. Одноэтажный дом с двумя спальнями, залом и кухней. Такая планировка дома предполагает, что окна зала и одной из спален будут выходить на улицу. Когда-то ярко-голубой наличник всё ещё украшал все четыре окна. Но сейчас только почти содранная краска говорит, что когда-то она была голубой. Некому больше красить красивые окна. Без хозяев дом рыдал.

Когда люди съезжают, много времени не нужно, чтобы дом осунулся. Домá — они как живые организмы: могут тосковать, скучать, любить, ненавидеть, вдохновлять и губить. Так какой же это был дом? Он выглядел самым уцелевшим из всех, что были в этом месте. Но покосившиеся окна и почти открытая дверь стонали о том, что они так больше не могут. Они не могут жить в одиночестве и в сотый раз встречать рассвет одни. Никто не выходит ещё до восхода и не ухаживает за животными, которые привыкли завтракать до первых лучей. Никто не идёт за водой. Надоедливый соседский петух не портит с утра настроение. Маленькие ребятишки, имеющие свойство рано вставать, не бегают босыми ногами по ровным доскам двора. Бабушки не выходят на утренние переговоры. Жизнь больше не кипит, её вообще нет. Только покосившаяся дверь своей

чёрной дырой в косяке больше похожа на мумию, которая застыла в немом крике.

Деревня находится на опушке леса, в котором бежит небольшая речушка. Она процветала, когда рыбаки приносили рыбу, охотники — дичь. А раз в месяц проезжали торговцы, и можно было купить сладости. Ближайший магазин был порядком далеко, и каждый день в него не съездишь. Поэтому раз в неделю они снаряжали посыльного и отправляли за покупками. И когда в конце дня он приезжал, в центре деревне был разбор продуктов. Самое весёлое время, которого больше всего ждали ребятишки. Тот, кто ездил, обязательно что-нибудь покупал сразу на всех. Шум, гам, но при этом так уютно. А с утра уже начинало пахнуть выпечкой. Хозяйки, не сговариваясь, начинали печь хрустящий свежий хлеб. Так же происходили дела с почтой, пенсией. А рабочие ездили все вместе на одной машине в ближайший город.

Жизнь была.

Что же могло случиться с такой милой деревней? Революция? Война? Перестройка? Или что-то другое?

Где-то примерно к десяти утра солнце обычно находится на пике, оповещая о том, что день в самом своём разгаре. В это время, как правило, все заняты, а до обеда ещё порядком далеко.

Но в деревне некому об этом говорить. Здесь пусто. И как бы солнце ни грело, и какие бы южные ветра ни дули, тут будет холодно и будет веять пустотой и её неизбежностью.

Ведь сейчас всё иначе. Всё резко изменилось за одну ночь. И до настоящего светлого дня остаётся неизменным. Если обратить внимание на окна и двери, то они закрыты изнутри. Но навряд ли сейчас кто-то помнит о деревне, чтобы приехать и обратить на это внимание.

Никто не помнит это место, будто его стёрли, будто отсюда не ездили работники в город и не покупали каждую неделю продукты. А каждый месяц резко прекратили проезжать торговцы, словно этого маршрута у них никогда и

не было. Как просто, оказывается, стереть целое поселение так, чтобы никто не заметил и не поднял этот вопрос. Просто нет, пусто. Но тогда откуда все эти дома, откуда дороги? И покосившиеся двери? Что они скрывают за своими закрытыми изнутри крючками?

Солнце не может проникнуть внутрь и показать, что же там, внутри, будто неведомая сила не пускает его туда. Или это просто грязь и многолетняя пыль на окнах?

Но дождь? Ночью же шёл дождь. Почему он не очистил их и не помог увидеть всё? Или это грязь с другой стороны стекла? На улице светло и поют птички, где-то за домами журчит речка. А что же в домах? Что же в этих грустных деревянных домах?

Вечереет. Солнце решает уйти, одарив последним теплом. Постепенно забирая свет, оно уходит, оставляя дома в холоде. Будто бы они в нём и так не были. Но солнце давало надежду может, и совсем пустую, но они жили эту пару часов, они могли представить, что в них и вокруг них кипит жизнь и они нужны.

Лучи всё дальше, а надежды всё меньше. Тоска возвращается. Ночь, какая бы она ни была, она всё же ночь — тёмная, мрачная, одинокая, как и вся жизнь этих домов.

Когда завтра встанет солнце и вновь подарит новую мимолётную надежду, может, тогда последние штыри на петлях дверей сдадутся, а сами двери рухнут, представив истину миру. Может, люди этого никогда и не увидят, но солнце будет знать.

